

от 5-МАР 41

К и е в Газета №

ДЕЯТЕЛИ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. И. ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ

В альбоме народных артистов СССР, изданном в 1937 году, имя Марии Ивановны Литвиненко-Вольгемут стоит в первом ряду замечательных художников советского театрального искусства. В этом альбоме их всего четырнадцать.

Здесь и Станиславский, и Немирович-Данченко, и Москвин, и Качалов, и Шуклин, и Блюменталь-Тамарина... Но это все имена деятелей драматического театра. А из оперных артистов, кроме Марии Ивановны, в списке «первого призыва» мы находим еще только два имени: незабвенного Собинова и чарующую Нежданову.

Таким окружением можно только гордиться. И невольно хочется вспомнить о том, как почти тридцать лет тому назад, в сентябре 1912 года, Мария Ивановна впервые выступила на сцене украинского театра в труппе Н. К. Садовского.

Она выступала в роли Оксаны в опере «Запорожец за Дунаем».

В отношении игры — все это было еще очень «молодо-зелено», — но даже в этом первом спектакле голос звучал превосходно. В газетной рецензии было сказано тогда, что голос дебютантки отличался серебристой чистотой и звучностью. Сейчас об этом спектакле можно было бы сказать больше. В сценах, где первое место принадлежало вокальной стороне, пение дебютантки просто очаровывало. Легко и трогательно была исполнена ария «Місяцю ясний», а в знаменитом дуэте она уже летела на крыльях. И обещание «Мы Дунай переплинем» не вызывало сомнения! Дуэт по настоятельному требованию публики был повторен с тем же успехом.

— Конечно, — говорил удовлетворенный дебютант Н. К. Садовский, — воно ще мале, ще зелене, але з нього виросте щось велике.

И он не ошибся в своем прогнозе. С каждым новым спектаклем определялись новые и новые штрихи восхождения и роста молодого дарования. В связи с успе-

хами певицы, репертуар театра начал принимать все более и более оперный характер. Кроме «Запорожца» и «Наталки Полтавки», бывших традиционными, в течение двух сезонов были поставлены оперы «Галька», «Сельская честь», «Роксолана», «Катерина» и «Энеида» — с Марией Ивановной в главных ролях.

Перед каждой новой ролью происходил один и тот же диалог.

— Я очень боюсь... Ну, с вокальной стороной я еще справлюсь. Но играть... Я же не умею... Совсем не умею.

И ухмыляясь в свой длинный запорожский ус, Садовский говорил слегка осипшим басом:

— Вот это и хорошо, что не умеешь. Делай то, что подсказает тебе чувство и все будет хорошо.

Так оно и получалось.

Галька превратилась в чудесный образ живой, простой, любящей и страдающей девушки, а Дидона в «Энеиде» — престала в величественном гротеске, поражающая мощью и скульптурностью образа полу-богини, «полу-молодичи», — какою она изображена у Котляревского.

— Ты мне душу покажи, а всякие там оперные «фигли-миглы» никому не нужны. Да почаще смотри на Марью Константиновну...

Эти отеческие наставления Садовского молодая актриса воспринимала, как заповедь мастера. А великие образцы искусства М. Б. Заньковецкой, конечно, оказывали свое благотворное влияние на рост и развитие таланта.

И не удивительно, что о новой оперной артистке вскоре заговорили далеко за пределами Киева. После двух лет работы Садовскому пришлось расстаться с взлелеянной им актрисой. Ее пригласили в Петербург в «Театр музыкальной драмы», где шла решительная борьба с оперным штампом и где, под культурным руководством режиссера Лапинского, Мария Ивановна продолжала быстро совершенствоваться, как оперная артистка.

Здесь были созданы роли, которые затем вошли в золотой фонд актрисы. Стильная, пышно-прекрасная Купава в «Снегурочке», страстная Аида, глубоко-волнующий образ Лизы в «Пиковой да-

ме» и красочная Донна Анна из «Каменного гостя».

О новой оперной звезде пишут, говорят... Ею интересуются художники и музыканты. Шаляпин, возглавлявший тогда плеяду артистов-художников, борющихся за правду в оперном искусстве, посещал спектакли с участием Марии Ивановны и давал ей ценные указания по раскрытию образа и его сценическому воплощению.

Тяга к родной земле — великая сила. И в 1916 году, отвергая предложение театра Зимина в Москве, Мария Ивановна возвращается в родной Киев — уже артисткой с именем и отличной художественной репутацией.

Подошел семнадцатый год. Наступили для актеров и театров годы странствий... Оперные труппы передвигались на колесах, подальше от оружейных залпов... И маленькая Винница собирала на скромной сцене своего театра больших мастеров, которые могли служить украшением и столичных театров. В этих скитаниях определялось отношение актеров к происходящим событиям. Мария Ивановна сразу же связала свою судьбу с судьбой революции. В эти дни ее можно было видеть и в агитпоезде, и в наскоро сколоченном бараче, и в самой гуще красноармейцев.

— За эти дни скитаний я многое растеряла из своего театрального багажа, — но храню, как драгоценную память, маленькую коробочку с гримом, на которой историческая, драгоценная для меня надпись: «От сотрудников-красноармейцев. Подив 24»...

Когда белогвардейские банды были изгнаны за пределы страны Советов, в жизнь вошла в русло мирного строительства, Мария Ивановна опять в Киеве. Здесь был поставлен в 1923 году замечательный спектакль — «Валькирия»...

Брунгильда — Литвиненко-Вольгемут, Вотан — Сибиряков.

Первые годы перехода оперных театров на украинский язык Мария Ивановна

провела в Харькове. Законная гордость победы чувствовалась после каждой новой роли, спетой на родном языке.

С удовольствием вспоминает Мария Ивановна один «маленький, но характерный эпизод».

— Когда это законное право народа, завоеванное великой революцией, — «творить на родном языке», — вызывало порою тупое сопротивление среди некоторых местных актеров и актрис, к нам приехали на гастроли из Москвы знаменитый Леонид Собинов и спел партии Дюэнгрин и Ленского на прекрасном, чистом украинском языке, которому могли позавидовать многие, считавшие себя украинскими актерами!

— Я пела Ортруду... Собинов пел Дюэнгрин. Только тогда я ощутила, какое вдохновляющее значение имеет партнер! Как сама незаметно ощущаешь в себе творческие силы, как невольно отзывается на его гениальные нюансы, раскрывающие и в нем и в твоём образе новые черты!..

В 1930 году, в день пятилетия украинизации оперного театра, Марии Ивановне было присвоено звание народной артистки УССР.

В 1935 году она опять в Киеве — в цветущей столице Советской Украины. А в 1936 году — исторические, незабываемые дни декады украинского искусства в Москве.

— Что сказать об этих днях, об этих встречах?

Все это запечатлено в сердце, как величайшая драгоценность, как память о днях, часах и минутах счастья... Встреча в Кремле, в историческом Георгиевском зале... И затем...

— Вот теперь, когда вся страна праздновала шестидесятилетие первого маршала Климента Ефремовича Ворошилова, в памяти воскресли с особенной яркостью чудесные часы, когда мы были в гостях у этого чуткого и любезного человека.

Мы были у него до полуночи, а затем промчались по улицам Москвы за город,

и очутились в гостях у Иосифа Виссарионовича — он жил тогда на даче, под Москвой... И гений человечества встретил нас, как добрый, приветливый хозяин, товарищ и друг. Советский, простой человек! Все это и незабываемо и непередаваемо... Мне легче об этом было бы спеть, чем рассказать...

А затем — награждение Орденом Трудового Красного Знамени и званием народной артистки СССР... И опять приезд в Москву в качестве делегата на чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов, принимавший Великую Сталинскую Конституцию.

И вот мы подошли к нашим дням. В таких исторических гранях встает перед нами замечательная жизнь замечательной артистки, которая около тридцати лет тому назад робко вступила на театральные подмостки украинского театра и ныне по праву занимает одно из первых мест среди артистов-художников не только у нас на Украине, но и во всем Союзе.

Голос Марии Ивановны — редкое сокровище. До сих пор он сохраняет юную свежесть, чистоту, красоту и ту исключительную теплоту и залушевность, которые покоряют слушателя.

От низких, бархатистых, виолончельных тонов и до высоких, чисто скрипичных — они плывут бесконечной музыкальной волной. То, что называется филировкой звука и что является результатом высокой вокальной школы, редкое качество ее мастерства. Ее фраза всегда ясна и выразительна: звук не убивает слова, слово не глушит звука и в каждой фразе чувствуется мысль.

Художественный замысел всегда находит соответствующее вокальное и сценическое воплощение. Благодаря этому — в богатой галерее образов, созданных Марией Ивановной, нет повторений, нет штампа. Как-то раз, в одном спектакле Мария Ивановна исполняла две совершенно различных по стилю и характеру роли Елизаветы и Венеры (в «Тангейзере»). И никто не мог сказать, что обе эти

роли исполняла одна и та же артистка. Мария («Мазепа»), Лиза («Пиковая дама»), Оларка («Запорожец»), Ярославна («Князь Игорь»), мать («Тарас Бульба») — это то, что прошло недавно перед нашими глазами и где каждый образ, каждая фигура писаны иной палитрой. Такое разнообразие при полном перевоплощении составляет удел только больших мастеров.

Но опера не поглощает целиком творчества Марии Ивановны, как художника.

Большое место в ее творчестве занимают концертные выступления. Здесь прежде всего перед нами яркая исполнительница украинских народных песен, печальных и игривых, старинных и новых. Кроме того — кто не восхищался и не восхищается превосходным, охотворенным исполнением романсов Чайковского и Глинки, Шуберта и Шумана, Лысенко и Леонтовича, а также лучших современных композиторов, которые нашли в лице Марии Ивановны тонкого и художественного интерпретатора!

Конечно, как актриса, Мария Ивановна имеет неотъемлемое право думать о новых ролях, мечтать о новых советских полноценных образах... Эту мечту разделяем все мы.

Но при таком обладании творческим вокальным и сценическим искусством, нам кажется, должна быть использована еще одна область: воспитательно-педагогическая.

Хотелось бы, чтобы тонкое искусство пения и создания сценических образов, каким в совершенстве владеет Мария Ивановна, было усвоено талантливыми представителями нашего молодого поколения...

За этой плодотворной и благородной работой нам хотелось бы увидеть народную артистку СССР, художницу и полнотного мастера. Марию Ивановну Литвиненко-Вольгемут. Такая форма шествия вытекает из того содержания, которое заложено в высоком звании истинно народного, советского артиста.

Всеволод ЧАГОВЕЦ.